

Содержание

Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте

Замечания о первоначальном курсе русского языка

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. С. Петербург. I--IV, 1847

Из главы "Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте"

Всякий живой язык есть такое народное достояние, которым каждый член народа по закону природы должен пользоваться, воплощая его в себе, воплощая в нем все силы своего духа. Человеку не вроджено знание родного языка, и потому оно должно быть им приобретаемо посредством изучения; но вроджен закон, требующий этого знания, -- и он должен быть так или иначе исполняем. Закон должен быть исполняем: человек это чувствует, и потому состраждет глухонемому, лишенному силы исполнять его.

Закон должен быть исполнен так или иначе, и потому человек, лишенный с первых лет жизни возможности развивать свои силы языком своей отчизны, среди чужих принимает их язык будто родной: так, сирота, воспитываясь в чужой семье, природняется к ней и чувством родственным. Как бы то ни было, изучением языка родного или другого, заступившего его место (пародного), начинается и поддерживается развитие духовных сил человека.

Во всяком дитяти совершается это несколько иначе, но только в частностях, а не в общем: общий ход -- от синтеза к анализу, от простого звука, означающего многое, к сложным звукам с разными их видоизменениями для оттенения отдельно каждым особого понятия или представления, от отдельных слов к связным выражениям, от отдельных выражений к цельным рассказам.

Сильна в детской головке работа памяти, но не менее сильна и все сильнееет работа ума, работа сообразительности и смысленности. Память работает как послушный работник, ум -- как полновластный, нередко и прихотливый господин. Ум не любит пользоваться тем, что приобретает память, так, как есть, а перерабатывает и из немногого вырабатывает многое. Велика любознательность дитяти, но всегда остается в границах его разумения, его обладания языком.

Изучение всякого предмета любознательности возможно для дитяти не прежде, чем оно усвоило довольно прочно главные основы родного языка, как главное орудие для этого, и идти может только по мере успехов в языке. Это состояние дитяти можно понять тому, кто хотел бы изучать какую-нибудь науку на языке, который ему еще непонятен или мало понятен. Он захочет прежде хоть сколько-нибудь приучиться понимать и даже вдумываться на этом языке и тогда уже начнет изучение избранного предмета с его помощью.

И потом: чем отдаленнее от детского разумения какиенибудь понятия или представления, тем менее и в доле языка, им усвоенной, слов, которыми можно их выразить; следовательно, чтобы облегчить изучение тех или других предметов науки, которые оставались вне круга его разумения, надобно его подготовить обогащением его языка словами и выражениями, для этого годными,

дать ему их усвоить, как усвоены им и другие слова и выражения, и, следовательно, прежде развить в нем разумение понятий сродных, более доступных.

Иначе дитя, пожалуй, и затвердит многое, но только затвердит, не более -- и довольно скоро забудет. Поэтому-то истинный друг детей не может не советовать отцу и матери заботиться прежде всего и более всего о том, чтобы дитя их усваивало выразительность родного языка, развивало в себе чутье его не отдельно от развития умственных сил и чтобы при дальнейшем его образовании все опиралось постоянно на этом срединном знании.

Но как же долго в жизни должно держаться родного языка, как главной основы, главного корня всякого образовательного развития духовных сил? Сколько уместен этот вопрос, столько же уместен и другой: да разве возможно этого корня не держаться? Не держась этого корня всеми силами духа, дающего им жизненность, где же найти им пищу? Только на родном языке может человек определить не только для другого, но и для самого себя вполне верно и свободно всякое движение своего ума и сердца, вызывая их к деятельности сознательной; и тем это ему легче, чем он более развивал в себе эту силу.

Только через посредство родного языка может он и воспринимать полно и свободно мысль и чувство другого. Работа над родным языком в человеке не прекращается никогда никаким приговором природы: "довольно! кончено!", не прекращается во все то время, пока развиваются духовные силы человека. Они идут через всю деятельную жизнь человека тем счастливее, чем менее мешают внешние обстоятельства, т.е. чем менее повредили в детстве и в юности воспитательные приемы, а после, по выходе юности в жизнь, чем менее дозволительно общее и частное равнодушие к мыслительным силам, общая и частная небрежность к разумному обладанию языком.

Обстоятельства, мешающие развитию чутья языка, заглушают вместе с ним и свободную деятельность ума: вот почему люди более даровитые и сами собою влекутся к борьбе с этими обстоятельствами и к постоянному труду над своим языком наперекор своим особенным занятиям. Вот почему над родным языком работают неустанно во всю свою жизнь, между прочим, и те из писателей, которые сознательно понимают свое высокое призвание. Но они ведут себя по этому пути не по какой-нибудь исключительной обязанности, на них одних лежащей, а только потому, что яснее других понимают свое общечеловеческое достоинство.

Если не понимает, то хоть чувствует свою человеческую силу в языке и самый простой человек, если не сам в себе и за себя, то в других и за других, хоть страдательно, выражая себя и радостью, и слезами сочувствия к живому слову языка, прирожденного душе его. Не напрасно говорят, что на человека можно действовать языком, умом и чувством, воплощенными в языке. Считать себя вправе быть только под действием силы слова -- значит добровольно самоуничижаться; да это собственно и невозможно. Естественно считать себя вправе и действовать силою слова в себе и вне себя; это-то право и влечет ум к работам над своим родным языком постоянно.

Тут нет, быть не может границ, означаемых возрастом, приемным или выпускным экзаменом, ученою степенью, положением, полом. Тут одна граница -- развитие сил, чем более, тем лучше. И чем на ком более лежит обязанностей, соединенных с знанием языка, тем тот более должен чувствовать нужду об этом заботиться. Таковы, между прочим, воспитатели и все пишущие: на одних лежит обязанность действовать силою знания своего языка на развитие духовных сил воспитанников; на других -- не менее важная обязанность выяснять посредством языка не то, так другое важное в жизни частной или общественной. Эта обязанность лежит и на тех, которые и живым изустным словом должны действовать на многих или за многих других.

Кто же эти многие, для которых, столько же, как и для себя самого, человеку нужен язык? Это не люди вообще и не какиенибудь им произвольно избранные люди. Это не только и все те, которых сама природа сблизила, сроднила, утождествила языком. Это -- народ. Народ и язык -- единица неразделимая. Народ -- язык, язык -- народ. Из этого одного понятно, что невозможна для народа образованность без языка, так же как и для языка без народа.

В какой степени зависит от языка общая образованность народа, можно себе выяснить и из немногих соображений. Избираю из многих два обстоятельства, служащих к объяснению вопроса.

Представляю себе людей, живущих вместе ближайшими и исключительными соседями и говорящих на языках, взаимно непонятных: возможно ли для них всех вместе развитие общей образованности, пока они все вместе не сблизятся взаимно разумением? Невозможно. Заключаю: чем взаимно понятнее, родственнее по языку части общества, тем возможнее для них всех вместе развитие общей образованности.

Представляю себе народ или общество, которого язык стал недвижимо, без силы развивать из себя ничего нового, ни одного нового слова или выражения, ни придавать нового значения старому: возможно ли для такого общества движение образованности? Конечно, нет. Заключаю: чем более жизненной силы в языке, тем более жизненной силы образованности может быть и в обществе или народе, которому он принадлежит, если только ничто другое не мешает.

В такой зависимости от языка представляю себе образование частное и образованность общую, -- и считаю естественным в применении к нашим русским нуждам такой общий вывод.

Родной язык наш должен быть главною основою и общей нашей образованности и образования каждого из нас -- так, чтобы в нем они сосредоточивались и от него зависели.

Знание родного языка необходимо как важнейшее условие и орудие образования каждого человека отдельно и образованности народной вообще. В чем же заключается знание языка? в чем должно состоять изучение языка?

В знании языка можно разделить две стороны; а) знание внутреннее, знание про себя, для удовлетворения внутренних требований ума познающего, и б) знание внешнее, знание для других, для удовлетворения требований и ожиданий их ума.

Внутреннее знание языка предполагает знание слов и знание сочетаемости слов.

1. Знание слов. В языке не может не быть таких слов, которые употребляются только как условные знаки представлений и понятий, каковы, напр., рука, нога, человек, небо и пр., и пр. Знание их зависит только от памяти, понимание их равно пониманию иностранных слов: нервы, блондин, лампа, секретарь -- или собственных: Петербург, Москва, Петр Великий и пр., и пр.

Но сколько ни необходимы эти слова с условным смыслом, ни один язык не может состоять из них одних: из них, как из семян, вывиваются в язык и в уме, познающем язык, десятки тысяч слов и выражений со смыслом внутренним: нет для меня смысла внутреннего в слове рука, я выучил его прямой смысл памятью; но уже не памятью, а умом мыслящим усваиваю потом слова: ручка (чья-нибудь или чего-нибудь), ручной, рукав, ручаться, порука, выручать, обручать, руководство и пр., и пр.; или слово веду -- вожу я затвердил памятью; но уже не памятью, а умом мыслящим познаю потом слова: вождь, вожатый, вывод, довод, свод, поведение, произведение и пр., и пр.

Такие слова я не только познаю, но и сам их вырабатываю в себе, и тем более верно, чем более всматриваюсь умом, хотя бессознательно, в законы их образования. Так знание слов предполагает знание их -- не только как условных знаков представлений и понятий каждого поодиночке, но и как сознательных изображений представлений и понятий в их взаимном сродстве, изображений или вразумительных для ума, или чуждых воображением, тех и других в возможно полном количестве и с разумением законов или причин их образования.

2. Знание сочетаемости слов. Во всех языках без исключения есть свои особенные различные образы сопоставления слов для выражения мыслей, и в большей части языков в числе этих условий стоит необходимость обозначать соотношения слов к мысли посредством их видоизменений (я вижу, а не я видит свет, а не света, мы ищем, а не мы ищут света, а не свет). И здесь сравнительно очень немного требует памяти без участия ума: слов -- десятки тысяч, а их сочетаний, нужных для выражения мысли, -- миллионы. Никакая память не выдержала бы этой громады, если бы не ум, и тем легче уму владеть этой громадой, чем он сильнее сознательностью, чем сознательнее владеет языком. Таким образом, знание сочетаемости слов заключается в видоизменениях, которым слова подчиняются при их сочетании одного с другим, и образов сопоставления слов в цельных выражениях мысли, а вместе и знание законов, которыми управляется язык в выборе тех и других...

Об авторе

Измаил Иванович Срезневский (1812--1880)

Известный филолог-славист, этнограф. Академик Петербургской академии наук. В возрасте 14 лет поступил на факультет этико-политических наук Харьковского университета и через три года,

представив диссертацию "Об обиде", получил степень кандидата. В 1837 г. защитил магистерскую, а в 1839 им была написана докторская диссертация. Занимался историей и этнографией, путешествовал по Чехии, Моравии, Силезии, Сербии, Хорватии, Венгрии, изучал местные языки и фольклор. По возвращению на Украину написал ряд работ по славянским литературам, рецензировал научные труды по славянской тематике. С 1847 г. и до конца своих дней И.И.Срезневский жил в Петербурге и преподавал в Санкт-Петербургском университете. Среди его учеников были Н.Г.Чернышевский, Д.И.Писарев, Н.А.Добролюбов.

И.И.Срезневский являлся одним из основателей "Известий Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности", активно участвовал в издании "Опыта областного словаря", а в начале 1850-х гг. задумал древнерусский словарь, закончить который ему не довелось. Основные труды И.И.Срезневского посвящены письменным памятникам старославянского и древнерусского языков: "Древние памятники письма и языка юго-западных славян", "Повесть о Царьграде", "Хождение за три моря Афанасия Никитина", "Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам" (т.1--3) и др. И.И.Срезневский был основателем школы петербургских славистов, его труды заложили основу исторического изучения русского языка.